

Чем искреннее он проявлял свои чувства, тем сильнее Лэй Чжэнь поддавался эмоциям. Наклонившись, он прильнул к его губам, жадно втягивая их в себя. После грубого сосания его настойчивый язык проник между зубов, начав безумный и беспорядочный танец внутри. Его беспокойные руки скользили по обнажённому телу, и Хай Юань не имел сил сопротивляться, быстро сдавшись, тихо стоя и обмякнув в его объятиях, позволяя ему разжигать огонь на своём теле. Ночь только начиналась...

Су Цин начал относиться к ребёнку серьёзно. Он не только отказался от горячих источников, но и перестал мечтать о любых видах спорта, которые могли бы навредить его будущему ребёнку, включая катание на коньках и лыжах. Вернувшись в комнату, он помог Сюй Шаоину, который уже зашёл в бассейн с горячим источником, а затем аккуратно расстелил постель на татами и с удовольствием занялся своими делами, время от времени поглаживая живот и представляя, каким красивым и милым будет его ребёнок. Он даже не замечал, что человек, лежащий рядом, отец его ребёнка, шаг за шагом строит козни.

— Су Цин, убери мою одежду, да не помни её!

— Ой, хорошо.

Голос Сюй Шаоина донёлся из-за перегородки, и Су Цин послушно откликнулся, встал и собрал всю его одежду, аккуратно сложив её на расстеленном матрасе. На душе у него потеплело, ведь Сюй Шаоин был человеком с сильной защитной реакцией, очень ценившим приватность, и в обычное время никогда не позволял им касаться своей сменной одежды, портфеля и тому подобного. Теперь же он сам попросил об этом. Может, это значит, что он действительно его любит?

— Щёлк!

— Откуда здесь фотоаппарат?

Разбирая пальто, он выронил маленький новейший фотоаппарат. Су Цин с удивлением поднял его, не задумываясь включил и начал листать фото. Сначала шли пейзажи, высотные здания. Редкая детская улыбка заиграла на лице Су Цина, он с интересом разглядывал снимки, и сердце его переполняла сладость. Но потом...

— Ох... Это что?...

Когда появились фотографии с людьми, Су Цин резко выдохнул, словно поражённый молнией. Дрожащие руки едва удерживали маленький аппарат. Главными героями на снимках были не кто иные, как Фэн Сюань и... Гао Сяосинь. Само по себе это не было странным, ведь из-за Лэй Тина они часто пересекались, и общее фото — ничего особенного. Но проблема была в том, что они целовались, их губы по-настоящему соприкасались.

Су Цин не мог поверить своим глазам. Пальцы дрожали, перелистывая дальше — следующие снимки были сделаны в той же комнате. Вспомнив, что недавно они, кажется, вместе выпивали, Су Цин понял, что фото, скорее всего, были сделаны именно тогда. Но... зачем Шаоин их тайком фотографировал?

— Су Цин, подай моё халат.

— Да... Да... Сейчас.

Не смея и думать дальше, Су Цин в панике достал свой телефон, сфотографировал все эти

снимки, выключил камеру и сунул её обратно в карман пальто. Затем он взял халат и понёс его Сюй Шаоину.

Сюй Шаоин, вытирая волосы, подошёл и, бросив быстрый взгляд на небрежно лежащее пальто, скользнул по нему холодным взглядом, но сделал вид, что ничего не заметил, и развернулся в другую сторону.

Су Цин, который всё ещё трусил, тихо выдохнул с облегчением, думая, что отлично всё скрыл, и принялся за уборку пальто. Затем он достал фен и занялся своими делами, в голове прокручивая, как использовать эти фотографии, чтобы уничтожить Фэн Сюаня, даже не осознавая, что всё это было частью плана Сюй Шаоина. Он был всего лишь орудием в его руках.

Влиятельный молодой господин подобен зверю, и злиться на зверя ведёт к трём исходам: если выиграешь — станешь ещё большим зверем, если проиграешь — станешь хуже зверя, а если ничья — всё равно останешься зверем. Любой разумный человек знает: никогда не ссорьтесь с влиятельными господами, иначе конец будет слишком плачевным и трагичным.

Фэн Сюань проснулся сам по себе. Рана на губе уже не болела, и он предположил, что гнев Лэй Тина тоже должен был утихнуть. Приведя себя в порядок, он взглянул на время в телефоне — было всего семь тридцать, и небо ещё совсем не рассвело. Фэн Сюань послушно направился в комнату Цзян Вэньтао, вежливо постучал, открыл дверь, вошёл и закрыл за собой. Лэй Тин, спавший посреди татами, был укутан, как кокон. Фэн Сюань фыркнул, мягко подошёл и сел рядом.

Что касается внешности, то Лэй Тин был действительно красив. В отличие от холодной свежести Хай Юаня, ярости Фэн Сюаня и солнечности Инь Хао, его красота была мужественной, с оттенком благородства, особенно если он молчал. Но стоило ему открыть рот, как вся магия исчезала, и он становился типичным международным шовинистом, считающим всех остальных ниже себя на пару рангов.

Фэн Сюань, вероятно, мог догадаться, почему вчера он так странно отреагировал. Скорее всего, Лэй Чжэнь что-то сказал, заставив его задуматься. Честно говоря, он даже надеялся, что Лэй Тин постепенно начнёт отдаляться. Хотя у того был скверный характер, и он часто срывался на нём, в большинстве случаев он всё же его баловал, особенно в материальном смысле. Многие влиятельные господа и богатые наследники не могли с ним сравниться.

Именно благодаря его опеке он мог быть собой, по-настоящему жить, ни перед кем не прогибаясь. В каком-то смысле он был его благодетелем, и если бы была возможность, он бы с радостью ответил ему тем же. Но было одно условие — никаких чувств.

Лэй Тин действительно его баловал, но иногда резко менялся, и бесконечные метания с таким непредсказуемым эгоцентричным мужчиной были не чем иным, как мазохизмом. Более того, после пережитой в прошлой жизни душевной травмы он больше не хотел иметь ничего общего с чувствами.

— Ох...

Внезапно встретившись взглядом его широко распахнутых глаз, Фэн Сюань вздрогнул, но вспомнив, что пришёл мириться, быстро улыбнулся и приблизился:

— Проснулся?

— Как не проснуться? Ты, блядь, чего тут забыл? Хорошего сна не даёшь, людьми балуешься?

Лэй Тин, нахмурившись, сел. Он всё ещё был зол, лицо мрачнее тучи. В обычное время Фэн Сюань бы просто проигнорировал его, но сегодня всё было иначе. Нельзя было позволять ему злиться слишком долго, иначе его старший брат живьём его содрал.

— Просто без тебя не могу уснуть. Тин, ты ещё долго будешь дуться?

Мягко прижавшись к нему и обняв его за талию, Фэн Сюань старался придать голосу как можно более жалобные нотки, похожие на голос обиженной жены, подстраиваясь под капризный нрав Лэй Тина, чтобы ублажить его мужское самолюбие.

— Ты, оказывается, знаешь, что я злюсь? Ты так обращаешься со своим любовником? Мужчина всю ночь не ночует дома, а ты, блядь, спишь как сурок! Я что, слишком тебя балую, или ты слишком много о себе возомнил?

Крупная ладонь крепко перехватила его талию, а другой рукой он властно поднял его подбородок. Лэй Тин был удовлетворён, но сдаваться не собирался. Он, человек, никогда не страдавший от бессонницы, вчера вечером из-за него ворочался с боку на бок, а теперь он думал, что всё так просто сойдёт ему с рук? Три буквы — хер!

Фэн Сюань потерял дар речи, едва сдержавшись, чтобы не развернуться и уйти. Он уже так унизился, а ему всё мало? Неужели он хочет, чтобы он встал на колени и умолял? Ни за что, даже в следующей жизни.

— Эй, не забывай, зачем ты сюда пришёл.

Заметив перемену в его взгляде, Лэй Тин почувствовал тревогу и, прежде чем тот успел заговорить, грубо напомнил ему, втайне спрашивая себя, не перегнул ли он палку.

— Фух...

Закрыв глаза и глубоко выдохнув, он открыл их — взгляд был чист и ясен. Фэн Сюань снова улыбнулся, ещё ярче, раздвинул ноги и сел к нему на колени, обнял его и начал ныть, то ли жалуясь, то ли капризничая:

— Чего ты добиваешься? Ты же знаешь, как я боюсь холода. Вчера без тебя я всю ночь мёрз, сегодня голова кружится, может, я уже простудился. Тин, я правда хочу, чтобы ты каждую ночь обнимал меня. Давай не будем больше ссориться, хорошо?

<http://bllate.org/book/16555/1510833>